

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

2458 SUTTER STREET
San Francisco 15, Calif.
Editor: WAlnut 1-5381
Office: WAlnut 1-5380

"RUSSIAN LIFE"

RUSSIAN LIFE

Контора открыта ежедневно с 9 часов утра до 7 часов веч..
кроме суббот и воскресений

DAILY MORNING NEWS EXCEPT SUNDAY,
MONDAY & HOLIDAYS

Entered as second class matter
Aug. 5, 1921 at the Post Office
at San Francisco, Calif., under
the Act of March 3, 1879.

ЧЕХОВ-ДРАМАТУРГ

(По воспоминаниям брата писателя Михаила Павловича)

Еще будучи гимназистом, Чехов представлял собою веселого мальчика, неистощимого на шутки и юмор. В домашних спектаклях он был главным персонажем. Братья Чеховы, почти все погоды, жили дружно, устраивали всевозможные домашние представления, — и в них — то гимназисту Антоше принадлежала главная роль, и он всегда являлся в одной из первых ролей.

Будучи еще детьми, братья Чеховы разыгрывали «Ревизора» и устраивали спектакли и на малороссийском языке, в одном из которых (кажется, это была пьеса Котляревского «Мошкель — Чаривник»), Антоша играл роль Чупруна.

Одной из любимых его импровизаций была сцена, в которой таганрогский градоначальник (г. Таганрог — родина Антоны Павловича) приезжал в собор на парад в табельный день и становился посреди храма на коврике, окруженный сонмом иностранных консулов. Роль градоначальника исполнял Антоша. В гимназическом мундире, с Федоской старшей шашкой через плечо, он удивительно метко схватывал черты градоначальника и за тем производил смотр воображаемым казакам.

Шестнадцатилетним юношей, когда вся Чеховская семья переехала из Таганрога в Москву, и Антоша Павлович остался в Таганроге один, он часто посещал театр, любил французские мелодрамы (например «Ограбленную почту», «Убийство Коверлей», «Гамлета», «Юна» и такие фарсы, как «Менюшки сынок»). Будучи учеником 7 класса, он написал драму «Безотцовщина» и очень смешной водевиль «Не даром курица пела», которые прислал своим братьям в Москву. В студенческие годы Антоша Павлович написал очень смешной водевиль «Бритый секретарь» (в котором была на просмотр. Пьеса эта была представлена редакция закупа

лого журнала, и фигурировала на сцене двуспальная кровать. Из этой пьесы я помню только следующее стихотворение, в котором целые шесть раз подряд повторяется слово «стремглаз». Его приносит в редакцию для напечатания армянский князь и производит целый скандал, когда ему в этом отказывают.

Прости меня, мой ангел

белоснежный, безмятежный, подруга дней моих и идеал мой нежный, что я, забыв любовь, стремглаз туда бросаюсь, где смерти пасть... О, ужасюсь!

В могилыный склеп, с груди горячей

Убитый, раненый, лежачий, стремглаз я издаю... Не плачь, прости!

Все пины будут петь и розыны известны

Над свежей — вырванной могилкой, куда меня злой рок стремглаз опустит.

Тогда поймешь, как я страдал, как я любил свой идеал...

Над ней стремглаз взойдет моя идея

роз принятых, тогда, по повелению тайны непонятных,

Из гроба буду я вставать

И, отравив цветком благоуханьем, как чудной девицы лобзаньем, Уиду обратно в гроб стремглаз с прослезившимися глазами.

«Последняя строчка несколько ко, тяжелая, — говорит редакция, это нужно уметь промывать!»

В то же время он написал и большую драму, которую читал в театре на сцене Малого театра и да

же послал ее известной московской артистке М. Н. Ермоловой на просмотр. Пьеса эта была очень громоздкая, с походом же

лезной дороги, с конокрадами и с самосудом над шуганом. Она была сделана по образцу французских мелодрам, изобиловала диалогами и, когда я мальчиком переписывал ее в двух экземплярах для цензуры, то у меня от ее интриги захватывало дух и холодело под сердцем. М. Н. Ермолова осталась недовольна этой пьесой.

Продолжение следует.

Был еще у Антоны Павловича драматический этюд в одном действии, написанный им в 1884 году, под названием «На большой дороге». Этюд этот был запрещен драматической цензурой потому, что в нем был выведен провинившийся помещик. Но все перечисленные пьесы света не видали.

Первою пьесой Антоны Чехова, представленной на сцене, была его драма «Иванов», написанная им осенью в 1887 году. Она была поставлена в московском театре Корша. Вот как автор описывает первое представление своей первой пьесы на сцене уже официального Коршевского театра.

«Ну, пьеса проехала... Опишю все по порядку. Прежде всего: Корш обещал мне десять репетиций, а дал только четыре, из которых репетициями можно назвать только две, ибо остальные две изображали из себя турпир, на которых г. г. артисты упражнялись в словопроизношении и брани. Роли знали только Давыдов и Глама, а остальные играли по сценарию и по внутреннему убеждению.

«Первое действие». Я за сценой в маленькой ложе, похожей на арестантскую камеру. Семья в ложе — бенуар: трепещет. Сверх ожидания, я хладнокровен и волнения не чувствую. Актеры изволнованы, напряжены и крестятся. Занавес. Выход бенефицианта. Неуверенность, незнание роли и поднесенный венок делают то, что я с первых же фраз не узнаю своей пьесы. Киселевский, из которого я возлагал большие

надежды, не сказал правильно ни одной фразы. Буквально: ни одной. Он говорил свое. Несмотря на это и на режиссерские промахи, первое действие имело большой успех. Много вызовов.

«Второе действие». На сцене масса народа. Гости. Роль не знают, путают, говорят издор. Каждое слово режет меня ножом по спине. Но — о, муза! — и это действие имело успех! Вызывали всех, вызывали и меня два раза. Поздравления с успехом.

«Третье действие». Играют недурно. Успех громадный. Меня вызывают три раза, причем во время вызовов Давыдов трясет мне руку, а Глама на манер Манилова другую мою руку прижимает к сердцу. Торжественно талант и добродетели.

«Действие четвертое; 1-ая картина». Идет недурно. Вызовы. За сим длиннейший умопомрачительный антракт. Публика, не привыкшая между двумя картинами вставать и уходить в буфет, ропщет. Поднимается занавес. Красиво: в арку виден ужинный стол (свадьба). Музыка играет туши. Выходит шафера: оба пьяны, а по тому, слышишь ли, надо клоуны чать и выкидывать колесца. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас. За сим выход Киселевского: душу захватывающее поэтическое место, но мой Киселевский роли не знает, пьян, как сапожник, и из поэтического коротенького диалога получается что-то тягучее и глупое. Публика недоумевает. В конце пьесы герой умирает от того, что не выносит нанесенного оскорбления. Охлажденная и утомленная публика не понимает этой смерти (которую отставили у меня актеры; у меня есть вариант). Вызывали актеров и меня. Во время одного из вызовов слышится открытое шиканье, заглушаемое аплодисментами и топаньем ног. В общем, утоление и чувство досады. Про-

тивно, хотя пьеса имела солидный успех».

«Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисмента — шиканья и никогда в другое время им не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автор вызвали после второго действия» (к Алексею Павловичу Чехову 20 ноября 1887 года).

Но это письмо было написано автором еще в скромных выражениях. Вот что он пишет тому же лицу 24 ноября 1887 года:

«Ты не можешь себе представить, что было! Из такого малозначущего дѣржа, как моя пьеска, получилось чорт знает что. Я уже писал тебе, что на первом представлении было такое возбуждение и публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 22 года. Шумели, галдели, хлопали: в буфете едва не подрались, а на галерке студенты хотели вышвырнуть кого-то, и публика вызвала двоих. Возбуждение было общее. Сцена едва не упала в обморок. Дюковский, с которым сделался сердечное, убежал, а Киселев ни с того, ни с сего схватил себя за голову и очень искренне возопил: «Что же я теперь буду делать?»

«Актеры были неравно удивлены... На другой день после спектакля в «Московском Листке» рецензия Петра Кисеева, который обильно мою пьесу назвал — ничинной, безразличной дребеденью».

Как бы то ни было, но, после представления «Иванова» в Москве и затем в Петербурге Антоша Павлович поехал театральным пороку; к тому же и материальные результаты постановки первой его пьесы оказались вполне благополучными, и он написал вскоре водевиль «Медведь», облетевший всю Россию и не сходящий с репертуара и до сих пор.

Повидимому, «Медведь» не предназначался автором непосредственно для сцены, так как впервые появился в «Новом

Времени» в виде фельетона. Любопытно, что сам автор глядел на этот водевиль, в день первого его представления, с галерки. Ясно, что он опасался такого же скандала, какой был с «Ивановым». Но водевиль приобрел блестящий успех.

И каково же было разочарование, когда «после первого представления», — писал Чехов, — «случилось несчастье: кофеиник убил моего медведя. Рыбинская пила кофе кофеиник лопнул от пара и обварил ей лицо. Второй раз играла Глама, и таким образом, мой пушистый зверь понесло издох, не прожил и трех дней». Но дело обошлось благополучно, Рыбинская скоро выздоровела, и «Медведь» стал не сходить с репертуара.

Вслед за «Медведем» последовал водевиль «Предложение», чрезвычайно умерительная вещь, сделавшаяся вскоре любимейшей провинциальных любителей и клубных сцен. И этот водевиль первоначально появился тоже в «Новом Времени». Повидимому, автор смотрел и на него скорее, как на литературное произведение, а не как на вещь, специально предназначенную для сцены.

Почти в то же приблизительно время Чехов написал и свой первый драматический этюд в одном действии. На этот раз он изменил водевилю, и, повидимому, сделал ошибку потому что этюд этот не сделался любимцем публики, как его веселые собратья. Это был «Калхас» (Лебедина пьеса). Этот «Калхас» в первый раз прошил тоже у Корша в исполнении знаменитого В. Н. Давыдова.

Но водевили, на которые Антоша Павлович глядел все — так свысока и которые считал только доходной статьей и больше ничем, не удовлетворяли его. Ему хотелось написать что-нибудь значительное, и он задумал свою пьесу «Леший». В следующем сезоне после представления «Иванова» в театре Корша, служивший там вышеупомянутый актер Н. Н. Соловцов разошелся с ним и решил открыть в Москве свой собственный театр. Но дела не пошли. Не было боевых пьес. Оставалось одно только Рождество или даже, кажется, одна только масленица (хорошо не помню), на которые и можно было возлагать скудные надежды; но, чтобы сорвать сборы, нужно было иметь какую-нибудь значительную пьесу, написанную автором с именем. А ее — то у Соловцова не было. Тогда он обратился к Чехову:

— Поддержите, Антоша Павлович, выручите, дайте пьесу.

До наступления Рождества (или масленицы) оставалось всего только каких-нибудь 10 — 12 дней. Соловцов предлагал тысячу рублей — условия были заманчивы. И вот Антоша Павлович принялся за пьесу, которая была у него уже в проекте. Каждый день он писал по акту, я переписывал их в двух экземплярах (я тогда был студентом). Соловцов приезжал и отбирал эти экземпляры и посылал их с кондуктором в Петербург на цензуру. Работа шла. Антоша Павлович писал, Соловцов сидел сбоку и подгонял, я переписывал — и, таким образом, пьеса к сроку была готова, прошла несколько раз подряд, автор получил за нее тысячу рублей сполна.

Соловцов все — так «прогорел», но Антоша Павлович остался своей пьесой доволен. Да и нельзя было ему остаться до вольным. «Леший» был написан наспех и поставлен у Соловцова ужасно. Необыкновенно тучная, громадная и толстая как сорочкадерная бочка, актриса М. Н. Г-ва была хозяйкой театра и потому взяла себе монопольную роль. Положительно было стыдно сидеть в театре, когда толстый и тощий первый любовник Рошин — Инсаров объяснялся перед ней в любви, не мог обхватить ее в объятии, называл ее прекрасной. Зарезо лесного пожара было таково, что возбуждало усмешки. Антоша Павлович тогда же снял «Лешего» с репертуара, долго держал его в столе, не разрешал его ставить нигде и, только несколько лет спустя, переделал его до неузнаваемости, дав ему совершенно другую структуру и другое заглавие: «Дядя Ва-

ня». Постановка «Лешего» на сцене Соловцовского театра сильно разочаровала Чехова. Еще раньше его разочаровала постановка в Коршевском театре его первенца «Иванова». Он как-то сразу потерял веру в театр, и в актеров, и в драматургию, и когда его спрашивали о

задуманном им новом водевиле «Сила гипнотизма» то он отвечал, что у него уже нет для этого достаточного настроения. Так этот водевиль света и не видел. Писателю так «осточертел», как он выражался, театр со всеми его потрохами, что казалось, больше он уже никогда не примет ни за какую пьесу. Но оказалось наоборот. — Театр — как запой. Прошло шесть лет и Антоша Павлович опять разрешился пьесой. Это была — «Чайка».

Любопытны замечания А. П. Чехова об актерях.

«Актеры капризны, самолюбивы», — пишет Чехов Лейбману 4 дек. 1887 г., «наполовину необразованы, самонадеяны; друг друга терпеть не могут...»

«Актеры никогда не наблюдают обыкновенных людей. Они не знают ни помещиков, ни купцов, ни попов, ни чиновников. Зато они могут отлично изображать маркеров, содержащих испитых шулеров, вообще всех тех индигидуев, которых они наблюдают, шатаясь по трактирам и холостым компаниям. Невежество ужасное» (А. С. Суворину в 1889 г.). «Актерам нельзя позволять рассуждать» (ему же 1 ноября 1889 г.). «Актеры даже не умеют читать по-печатному, привыкли к автографу» (тоже 25 декабря 1888 г.).

Как же относился Антоша Чехов к драматургии?

Он сам говорит в переписке с друзьями:

«Беллетристика — покойное и святое дело», пишет он А. Н. Плещееву 15 января 1889 года. «Повествовательная форма — это законная жена, а драматическая — эффектная, шумная, наглая и утомительная любовница». «Чувствую большой позыв к своей скромной и кроткой беллетристике», пишет он А. С. Суворину 4 февраля 1889 года, после своих шумных театральных успехов в Петербурге. «Я бы лично бросил театр просто из расчета: драматургов триста, а беллетристов совсем нет». «Теперь развелось очень много ноющих, пострадавших за правду драматургов. Они мне так надоели и кажутся такими бабками, что мне даже жаль, что я вступался в их кашу и написал пьесу, которой мог бы совсем не писать». «Театр полезное учение, но не настолько, чтобы хорошие беллетристики отдавали ему девять — десятых своей потенции» (И. Л. Щеглову, 25 декабря 1900 г.). «Кстати, об успехе и об опациях. Все это так шумно и так мало удовольствия, что в результате не получается ничего, кроме утоления и желания бежать, бездельничать. Пойманный на удочку окупить удовлетворение мое чувство гораздо осязательнее, чем рецензия и аплодирующая галерея... Пишу докторскую диссертацию на тему: «О способах принижания ненависти к театру». «Занимайтесь беллетристикой. Она — наша законная жена, а театр — это напудренная любовница. Или становитесь Островским, или же бросайте театр... Беллетрист должен идти в толпу драматургов-специалистов или генералом, или же никак». «Повесть — лучший театр, но уж если театральная зуд в руках, то лучше написать одну драму, чем три трехактные комедии. Работа веселее и выгоднее». «Не брезгуйте водевилем. Пишите их дюжинами. Водевиль — хорошая штука; им кормится пока вся провинция» (тоже, 9 июня 1888 года).

«Повесть — лучший театр, но уж если театральная зуд в руках, то лучше написать одну драму, чем три трехактные комедии. Работа веселее и выгоднее». «Не брезгуйте водевилем. Пишите их дюжинами. Водевиль — хорошая штука; им кормится пока вся провинция» (тоже, 9 июня 1888 года).

Комментарий

«*Москаль-чаривник*» – «Солдат-чародей» (укр. «Москаль-чарівник», дословно «Москаль-волшебник») – одноактная пьеса Ивана Петровича Котляревского (1769—1838), написанная в 1819 году.